

Страдания и величие Бельгии).

II.

Среди представленных в мое распоряжение документов имеются докладные организации бельгийским правительством «комиссии для расследования нарушений (нормами) международного права и законов и обычаев войны». Эти доклады, излагающие только строго-проверенные факты, были представлены министру юстиции, известному писателю Карлону де-Вьяру (Carbon de Wiart). В русской прессе часть этого материала уже была опубликована, но и те странички докладов, которые первоначально не обратили на себя внимания, несколько по мере поразительности. Несколько новых фактов, извлеченных из этих докладов, прибавить новые черты к характеристике «страданий» Бельгии.

В деревне Корбек-Ло (Corbeck-Lo), — сообщает комиссия, — немцы солдаты разбежались в одном доме двинуку жить 16-ти выстрелов с ее родителями. Солдаты отвели их в пудовое здание; один держал в стороне отца и мать, другие, добыв вина, принуждали двинуку пить. Потом они заставили ее на лужайку перед домом и поочередно насильствовали. Так как двинука продолжала сопротивляться, ей нанесли грудь пыжком. После этих издевательств поступились немцы ушн, оставив двинуку на лужайке. В настоящее время поселяется при смерти.

Когда бельгийская войска вступила в Гофстаде (Hofstade), они нашли там труп старухи, убитой ударами

палки; старуха еще держала в руке палку, которой шла в ту самую минуту, когда была нанесен удар. Рядом лежал труп женщины и ее сына, юности лет 15—16-ти, промозглых пыжками. В соседней деревне Семпест (Semps) были найдены трупы двух мужчин, частью обуглившиеся; у одного ноги были обрублены на высоту колена; у другого отрубаны и руки, и ноги. Одного рабочего, прозванного его пыжками, немцы облили, еще живого, керосином и бросили в дом, который велел за тем подожгли.

Подобных единичных фактов собрано в докладах огромное количество. Кроме того комиссия устанавливает целые ряды преступлений против международного права, обычно совершаемых германскими войсками. Идя по дорогам, немцы разстреливают мирных прохожих, издеваются и даже крестьян, занятых полевыми работами. Мужчин из занятых селений отправляют в Германию, где вынуждают работать, «как во времена античного рабства». Других з заставляют служить проводниками и рыть окопы для германской армии. Немцы злоупотребляют флажком и Красным Крестом, а сами стреляют по лазаретам, добивают раненых и т. д. Особый доклад перечисляет сожженные и разрушенные орудиями города, хотя бельгийская войска и были извещены о выведении. Характерно, что на убийств от пожара и разгрома домов оказывались специальными, сданными немцами надписи: «Nicht abgepöbel» (не слезить), «Bitte schonen» (пощадить), «Gute Leute, nicht pflöndern» (добрые люди, не грабят). Подводя итоги, комиссия говорит, что жестокости, совершаемые немцами, объясняются с одной стороны жаждой терроризовать и деморализовать население, сообразно с бесчеловечными теориями немцев

военных писателей, с другой стороны — простой страстью к грабежу, к добыче.

К сходным выводам приходит доклад другой комиссии, представленный министру иностранных дел. Комиссия констатирует, что по всем признакам, жестокости немцев преднамеренны и являются следствием определенной системы действий. Ее цель — запугать жителей и тем посылать рознь между ними и армией. Однако ревностное усердие исполнителей превращает устремление в безмысленное избиение, а террор — в прямой грабеж...

Авторитетные свидетельства официальных докладов подтверждаются столь же заслуживающими доверия сообщениями газеты «Le Courrier de l'Armée». Эта газета выходит три раза в неделю, в двух изданиях, французском и фламандском, и рассылается в количестве 10-ти экземпляров того и другого издания в каждую роту, эскадрон и батальон. Редактируемая при генеральном штабе армии, газета дает также только строго-проверенные факты. Приводим некоторые из них, беря их из последних номеров (ноябрь—декабрь).

Бургомистром Брюгге состоит почтенный старик, переживший за восьмой десяток лет, граф Визарт де-Вокарме (Visart de-Vocarmé). Немцы оставили ему его должность, и он продолжал выполнять ее с исключительным тактом. Это не помешало одному прусскому офицеру, пришедшему по делу в кабинет к бургомистру, держать себя крайне заносчиво и грубо. Граф де-Вокарме, встав, сказал спокойно, но строго: «Господин офицер, такого языка я не допускаю. В настоящее время вы сильны. В вашей власти посадить меня в тюрьму или даже расстрелять. Но в виду моего преклонного возраста и зани-

маемого мною положения я в праве требовать, чтобы все это было совершено вживую». Суровая речь старика произвела впечатление даже на пруссака.

Бургомистром города Гулера Майб-Либарта (Maien-Liebaert) немцы три дня держали под арестом в окопах. При перестрелке немцы выставляли своего илличника вперед и прикрывались его телом от выстрелов. За все три дня его питали из кормила. Мало того, — издевались над голодающим: немцы ставили перед ним жареную курицу, не позволяя ему к ней притронуться. Впоследствии Майб-Либарт был отпущен на свободу, получившей от голода и усталости.

Из города Маанне немцы вывели в качестве военной добычи больше пятисот рожалей и пшеницы, для чего был отправлен в Германию специальный поезд. В Брюсселе немцы реквизиции довели население до голода; хлеб дошел в цене до 40 сантимов за кило; соли почти нет. Желая злит особую справедливость в распределении жизненных припасов, немцы требуют, чтобы женщины при покупке соли предъявляли свои брачные свидетельства. Еще более острый голод свирепствует в Остенде, где немцы конфисковали рьятельно все съестное, предоставив жителям прощиваться, чем знают. Сами же немцы ежедневно устраивают ширь и пляшут без прерыва. Среди пьяных офицеров часто возникают ссоры, доходящие до драки и до убийства...

И доклады комиссии, и военная газета несколько раз повторяют, что уфронт немцев, будто бельгийцы ведут партизанскую войну, — вымысел. В Бельгии сражается только ее армия; мирное население по настойчивому требованию своих властей воздерживается от каких бы то ни было попыток вредить неприятелю. Немцы утверждают

противное, чтобы чем-нибудь оправдать свои жестокости и грабежи.

Несомненно однако, что пассивное сопротивление немцам бельгийцы оказывают. Так, например, железнодорожные служащие отказались исполнять свои обязанности под руководством немцев, хотя те предлагали хорошее вознаграждение. Считая себя на государственной службе (в Бельгии все жеманная дорога принадлежит государству), кондуктора, машинисты, стрелочники и т. д. предпочли голодать и пользоваться общественной благотворительностью, чем сколько-нибудь помогать врагам. Точно так же голодающие рабочие в Намюре отказались работать над восстановлением фортов, несмотря на обильную высокую плату. Наконец, все бельгийское общество, всех классов, держится крайне обособленно от немцев и не вступает с ними ни в какие сношения, кроме самых официальных.

III.

В заключение нашего разговора и спросил, какие компенсации надлежит получить Бельгия после торжества союзников за все вынесенные ею испытания.

— Высказывая свое личное мнение, — оказал мой собеседник, — я, вкратце, выражу и мнение громадного большинства моих соотечественников: мы, бельгийцы, не хотим никаких территориальных приобретений. Что мы могли бы получить в Европе? Французская и голландская земли, конечно, неприкосновенны, а бельгийских провинций нам не надо. Если дать волю фантазии, можно мечтать, например, об устье Шельды, которое было бы нам крайне полезно. Оно принадлежит голландцам, но Голландия за уступку дельты берега могла бы быть вознаграждена на счет Германии. Так же мы согласны бы

присоединить великое герцогство Люксембург, если бы оно пожелало добровольно слиться с Бельгией. Но все это — беспочвенные мечты. Споры всего нам могли бы быть даны немцами провинции на дельте берега Рейна, но они были бы для нас только обузой. Население Бельгии состоит из двух элементов: валлонов, романского племени, и фламандцев, галльского племени, говорящих по-французски, и фламандцев, германского племени. Сейчас наблюдается почти полное равновесие между этими двумя элементами: фламандцев приблизительно 4 миллиона, валлонов — 3 1/2 миллиона или немного больше. Великие французской культуры, носителями которой являются валлоны, до последнего времени преобладали в стране, чему в наши дни, когда вскрылась обратная сторона германской культуры, можно только радоваться. Но если к Бельгии будут присоединены провинции с немцами населением, может быть, в 1 1/2 или 2 миллиона человек, равновесие будет нарушено. Германский элемент получит преобладание, и страсть будет угрожать германизации, а через это неизбежно возникнут распри и столкновения между представителями двух рас. Нет, провинций с немцами населением нам не нужно.

— Не пуждаемся мы, — продолжал мой собеседник, — и в увеличении наших колониальных владений. Размьры нашего Конго в 80 раз превосходят размьры метрополии. Правда, часть Конго совершенно непригодна для культурной жизни, особенно европейцев, по своему климату и по самому характеру страны: это — одна из самых плодородных, самых губительных местностей центральной Африки. Но и той части Конго, которая вполне подходит для колонизации и которая представляет почти неисчерпаемые сокровища богатства великого рода, с нас

больше чем достаточно. У нас там работы на несколько столетий, и забирать новые земли, которые мы не в силах будем использовать, не имеет смысла. Единственно, чего ждот Бельгия, это — вознаграждения за тот страшный разгром, которому она подверглась ради всей Европы. Германия должна будет возместить убытки, понесенные страной: вернуть незаконно наложенные контрибуции, оплатить стоимость столь же незаконно реквизированных вещей и дать средства, чтобы вновь отстроить разрушенные и сожженные города и селения. Разумеется, это будет тяжелым для Германии, тем более, что и другие союзники предъявят свои требования, но немцы должны были понимать, что они идут.

Помолчав, говоривший добавил: — Хотелось бы выставить еще одно требование. Германия должна была бы вернуть расхищенные немцами в Бельгии сокровища искусства. Немцы под руководством берлинских профессоров разграбили не только общественные музеи, но и много частных художественных собраний. Картины великих мастеров, деревянные статуи из церковной, старинные вещи, — все тщательно упаковывалось и отсылалось в Берлин... по примеру великого Наполеона. Однако, — увы! — можно опасаться, что расхищенного уже не вернуть. Наполеон отдавал захваченные им в Италии художественные богатства в Лувр. Немцы распродают свою добычу, и она разошлась по частным рукам. Трудно будет разыскать картины бриссельского музея и частных коллекций, перешедших, может быть, в третьи и четвертые руки или даже тайно перепроданных за границу...

Валерий Брюсов.